

Собеседник. - 1999. - № 50. - с. 10

Ирина Муравьева

У нашего зрителя Ирина Муравьева ассоциируется с праздником, и наоборот.

По итогам нашего опроса, кого читатели «Собеседника» желали бы видеть гостем новогоднего номера, Муравьева победила с хорошим отрывом. Это я и сказал ей прежде всего, склоняя на интервью. Вообще я очень не люблю отечественных звезд, отказывающихся от встреч с журналистами посредством стандартной формулы «Не лезьте мне в душу»: когда, сломив кокетливое сопротивление, в душу все-таки проникаешь, почти всегда оказывается, что без противогаза туда лучше было не соваться. Случай Муравьевой — принципиально иной, о чем я и хочу предупредить сразу. Она человек прямой и честный, беспокоящийся о точности своих формулировок и их передачи. Во время разговора она смотрит на вас большими серыми глазами очень прямо. За ее резкостью угадывается большая усталость от чужого вранья. Со своей сквозной героиней — многословной, суетливой, неунывающей — она имеет мало общего.

«Феминизм? Это все от неполноценности»

— Я пытаюсь вспомнить, когда вас первый раз видел на сцене. Был такой спектакль, по болгарской сказке, вы играли девушку... Тронку, кажется...

— Бонку. Это спектакль Центрального детского театра, семьдесят второй год. Смотрите, какая память! Не зря я старалась. Я тогда, выходя на поклон, всякий раз думала: пионеры! запомните меня!

— Господи, семьдесят второй год... Какая древность!

— Это вы обо мне? Спасибо.

— Да нет, о себе... Вы, говорят, в новом фильме снимаетесь!

— Это будет российский сериал про женщину-брошенку, было раньше такое слово.

— И сейчас есть.

— Сейчас оно устарело. Брошенка — это я. Как всегда, есть подруга, советующая суетиться, устраниваться, вписываться в новое... А потом вдруг раздается звонок в дверь, и счастье приходит само.

— Знаете, меня всегда смущала эта вилка между вами и большинством ваших героинь. Они сплошь одиночки, брошенки, разведен-

фото Сергея Снегурова

Ирина Муравьева:

мы заканчивали школу, не было сегодняшнего вопроса — как выжить, как не оказаться на улице... Я, например, задавалась вопросом: как мне послужить людям? Как мне, при моих способностях, принести максимум пользы? Вы смеетесь, а ведь хватит над этим смеяться!

— Я же не над вами!

— А все равно! Это был не худший вариант. И вот после этого я, желая делать что-то серьезное, возвышать и просвещать, играю какую-то развлекуху. Было время, когда я ненавидела эти фильмы, когда слова «обаятельная и привлекательная» вызвали у меня такой стыд, что я краснела не только лицом, но, кажется, всем телом. И в конце восьмидесятых у меня был серьезный кризис, я стала отказываться от ролей, потому что хотела другого. Хотела хоть раз попасть в серьезное кино, потому что невозможно же продолжать в прежнем духе, когда явился, например, Тарковский! А потом деньги стали стремительно таять, инфляция съедала заработки за день, дети растут — я стала соглашаться на предложения. Честно говоря, надеялась, что никто этих фильмов не увидит: тогда был пик всеобщего отмывания денег, и кино снимали люди, которые в принципе никогда, ни при каких обстоятельствах не должны этого делать... Тогда показывали сценарий и сразу же — на пальцах — толщину денежной пачки, которую выдадут в качестве гонорара. И я снялась в нескольких фильмах, как другой человек стал бы мыть машину: пряча лицо, надеясь, что никто из знакомых не заметит... К сожалению, эти филь-

И потом, я смотрю сейчас то кино уже не просто как кино, но как свидетельство. Тогда же снимали не бесконечные искусственные конструкции, не умозрения, а жизнь, какой она была. Иногда она случайно попадала в кадр — какая-то улица, какой-то завод... Мне, кстати, сейчас и производственная драма была бы интереснее, чем фильм из жизни киллера.

— Правильно, потому что в производственной драме есть свои законы, правила игры. А киллер лупит в белый свет...

— Да. Не говоря уже о том, что раньше на профессионализм как-то не обращали внимания: хороший монтаж или звук подразумевались сами собой. Теперь и на это смотрят с умилением.

— Скажите наконец правду: когда делалась «Москва слезам не верит», пародия на советский кич имела в виду или угадывается только теперь, задним числом! Потому что Черных утверждает, что с самого начала писал пародийную историю, заведомо нереальную.

— Имел ли он в виду историю пародию — не знаю. Вероятнее всего, имел, и кинематографисты наши из числа снобов совершенно напрасно воротили от картины нос: пошлость, масскулт... Меньшов человек непростой, очень далеко заглядывающий. Мы страшно веселились на съемках, к середине их я уж начала сомневаться, получится ли что-то вообще, — столько было веселья. В результате Меньшов точно рассчитал эффект. Кстати, тогда он каждый день торопился закончить съемки к началу программы «Время». Помню, я над ним хохотала — ну кем надо быть, чтобы каждый день смотреть, как двое манекенов рассказывают: завод такой-то отлил то-то... тогда все отливало, если помните... А теперь выясняется, что Меньшов осенью запустился с новой картиной, как раз про диктора программы «Время». Представляете? Это он в то время понимал, что когда-нибудь все это превратится в умиленное ретро, и копил материал, загадывая на двадцать лет вперед! Да кто бы мог подумать, что та жизнь вообще кончится!

— А вы не думали!

— Я? Никогда. Мне казалось, что это все неизбежно, что Ленин так и будет... вечно живой.

— Не любите вы Ленина.

— А вы любите?

— Идеальный политик, по моему. Чистый прагматик. Положил свою жизнь, можно сказать, на алтарь борьбы и никогда не был счастлив.

— Так это все можно и про Гитлера сказать. Они все были несчастны. Если бы это еще оправдывало кого-нибудь!

— Вы вообще политику не любите!

— Не люблю и не понимаю совсем.

— Что ж, и на выборы не ходили!

— Не-а.

«Не могу играть стерв — сразу заболлеваю»

— Слушайте, а почему вам никогда не пришлось сыграть стерву! Все время приличные такие женщины, добрые, в крайнем случае взбалмошные...

— А мне нельзя играть стерв, я от этого болею. Была пьеса Леонида Зорина «Максим в конце тысячелетия». Ничего не имею против пьесы, и автор замечательный, но вот мне дали там играть образцовую стерву, коммунистку такую упертую, — и я заболела за три дня до спектакля, а уж после вообще лежала пластом. Мне с отрица-

нет у меня фракса!

только фреис

ки, бешено пытающиеся устроить свою жизнь. В то время как ваша личная биография вполне идилична...

— Да, сама удивляюсь. Сегодня ровно двадцать шесть лет со дня свадьбы с единственным мужем, с которым живу по сию пору. Он режиссер, как раз и поставил тот спектакль про Бонку, после которого мы поженились.

Сейчас я вам это противоречие объясню. Все эти истории — про то, что не надо суетиться, все придет само. Я вот думала: эта женщина моя в «Москва слезам не верит» — она что, так уж хуже алентовской героини? А у Алентовой счастье явилось задором, в электричке, — что называется, пришло и село. Или в «Самой обаятельной и привлекательной», когда героиня мечется, красится, меняется, а счастье работает за соседним кулянном. Это очень русская мораль: не

надо шустрить. Надо заниматься собой, и тогда рано или поздно все твоё упадет тебе в руки. Как, собственно, и происходило со мной.

— Кстати, героини ваши всю жизнь буквально охотятся на мужчин. Это нормально!

— В каком смысле? — В смысле должна ли женщина быть выбираема? Или может выбирать самостоятельно, как говорят современные феминистки! И вообще обходиться без?

— Нет, конечно, я думаю, что нас выбирают. Это мужское дело — завоевывать женщину, и получается уродство, когда наоборот. Феминизм — я никого не хочу задеть лично, потому что не знакома ни с одной феминисткой — по-моему, компенсация комплексов каких-то, это все от неполноценности. Быть замужем — значит быть за мужем. Я

никогда ничего не решаю и никому не диктую.

— И режиссера слушаетесь!

— Конечно. Я его слушаю с открытым ртом, будучи по природе ведомой.

— Кстати, среди театральных актеров считается хорошим тоном ругать кино. Театр — искусство, кино — ремесло...

— Ну, не знаю, от кого вы это услышали. Другое дело, что Питер Брук, до чего я ненавижу цитировать, ссылаться, выглядеть умной! Но не могу же я себе приписывать чужую мысль... В общем, Брук сказал: плохой актер может хорошо сыграть в кино. То есть хорошо там выглядеть, точнее. Но на сцене, в ансамбле, недостаток таланта вылезет всегда, потому что театр — более живое дело. Если нет контакта с партнером, с залом — все пропало.

«Гонорары давали пачками, но мне стыдно, что те фильмы кто-то видел»

— Зритель вас полюбил за те фильмы, которые сейчас особенно охотно показывают по праздникам. Их и тогда крутили на какое-нибудь седьмое ноября: все собрались за столом, студень, винегрет, глава семейства позволил себе сто грамм, и тут пошло наше кино. Лирическая комедия. Вам не кажется сейчас ужасно пошлым и то время, и тот зритель, и даже тот кинематограф!

— Время было не столько пошло, сколько серо, скучно... такая насекомая довольно жизнь, во всяком случае, по сравнению с нашими ожиданиями. Когда

мы вышли, и кто-то их видел. Так что ни один наш позор не остается незамеченным. Деньги съедены — позор остался.

Ну вот, и после всего этого — и после кризиса авторского кино, которое в массе своей оказалось очень скучным и претенциозным — мне случилось пересмотреть ненавидимую когда-то «Обаятельную и привлекательную». Вы знаете, ничего. Даже мило. Я думаю, пусть будет. Пусть развлекает людей, дает им положительную энергию. Тем более что зрители, о которых вы говорите, в массе своей были вовсе не так примитивны. Это был настоящий средний класс, который, кстати, потому и не вписался в нынешние перемены, что не склонен суетливо выживать и поспешно меняться. Если я кого-то из них развеселила — от души рада.

нет конца, часть газеты утеряна